

История повседневности как научное направление

История повседневности переживает в последнее время настоящий бум [1, с. 7]. По мнению академика Ю.А. Полякова, важнейшей задачей современной историографии является изучение не столько производственной и политической деятельности, культурных и научных достижений человечества, сколько «самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала» [2, с. 126-127]. Действительно, трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени стала одной из ведущих тенденций современной историографии. В свою очередь, антропологический поворот подтолкнул процесс междисциплинарного синтеза, охвативший не только гуманитарные, но и точные науки. Отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к научному синтезу привели к гуманитаризации даже естественного знания, наглядный пример чего - проникновение в физику идей герменевтики или формирование биоэтики - науки о нравственной стороне жизнедеятельности человека.

Для всех видов антропологической ориентированной истории характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур и больших общностей на изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, а также переход от описания значимых событий к анализу повседневности. А для объяснения поведения и взаимодействия людей широко привлекаются понятия из арсенала социальной и культурной антропологии, социологии, психологии и других наук о человеке.

Одним из воплощений «антропологического поворота» и междисциплинарного синтеза стало появление в современной историографии нового направления - активно разрабатываемой в последнее двадцатилетие на Западе и в России, истории повседневности, родоначальниками которой стали германские историки А. Людке и Х. Медик. А сам термин «повседневность» в широкий научный оборот сферы исторического знания был введен Ф. Броделем. Главным объектом исследования истории повседневности становятся не экономические явления и политические процессы, а рядовой человек с его каждодневными проблемами питания, одежды, жилья, занятости, труда, отдыха, морали и т.д. История повседневности, как направление: современной социальной истории, первоначально стала предметом специального исследования в трудах зарубежных историков. Определяя сферу ее интересов, Людке отмечал, что она фокусируется на анализе поступков тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми», на «детальном историческом описании их душевных переживаний и воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее». На этом фоне переворачивалось традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование: история выстраивалась не сверху, через восприятие «сильных мира сего», и не через официальный дискурс, а как бы «снизу» и «изнутри».

Историк повседневности ставит задачей понимание групповых и индивидуальных реакций отдельных людей на современные им правила и законы. Кроме того, если в традиционной этнографии быт вместе с досугом противопоставляются производственной сфере, то историки повседневности видят одну из своих задач в изучении условий работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями. То есть они включают производственный быт в сферу повседневного. И еще одно важное обстоятельство. Истории-повествованию историк повседневности противопоставляет свой метод вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося. Фокус анализа историка повседневности — изучение социального с точки зрения индивида. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных и политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим — совместно с другими - социальные роли и играющим их [3]. Сторонники истории повседневности призывают не к замене, а к уточнению структурного подхода с целью обогащения нашего понимания прошлого,

отдавая при этом приоритет изучению повседневной жизни. Это позволяет, по их мнению, показать дихотомию институциональными и человеческими факторами.

Исходные позиции истории повседневности базируются на соединении идей Франкфуртской школы философии истории, марксизма, англо-американской антропологии, постструктурализма и герменевтики.

Задолго до появления повседневной истории как направления бытовая сторона повседневности находила отражение в исторических трудах в качестве дополнения и украшения «большой» истории. Своеобразным рубежом в формировании истории повседневности стала в начале XX в. издательская деятельность А. Берра - основателя журнала «Исторический синтез», на страницах которого печатались М. Блок и Л. Февр. Именно в рамках основанной ими «Школы Анналов» в центре исторических исследований все чаще стал появляться простой человек со своими повседневными проблемами. С новой силой интерес к изучению повседневности в западной истории и социологии, присутствующий уже в работах Г. Зиммеля и М. Хальбвакса, возник после Второй мировой войны, когда французские историки, объединившиеся вокруг журнала «Анналы» (Ф. Бродель, Ф. Арьес и Р. Шартье) в противовес «традиционной» истории занялись изучением длительных временных периодов. Кроме того, во французской традиции изучение повседневности идет от поздних экспериментальных тактик левого искусства – от сюрреализма до ситуативизма, которых интересовали отклонения от официальных практик и теорий. Так, работа А. Лефевра о повседневной жизни в современном мире продолжала артистические традиции левого искусства. М. де Серто, написавший историю «изобретения повседневности» в полемическом диалоге с М. Фуко и П. Бурдьё, показал, как в XVII в. во Франции искусство «с большой буквы» отделилось от искусства разговора, городских прогулок, приготовления еды и других видов жизнедеятельности [4, с. 37-38].

Представители истории повседневности в ФРГ с их «левой» политической ориентацией и требованием возвращения в историю человека считались радикалами по сравнению с доминирующей тогда «исторической социальной наукой» билефельдской школы, делавшей упор на социальных процессах, группах и структурах. В качестве замены структурного подхода в историческом исследовании было предложено изучение прерывности и непрерывности общественного бытия. Конфигурация форм повседневной жизни при этом выстраивается через повторение опыта, которое, в свою очередь, означает подчинение власти и выступает как условие стабильности. Кроме того, призыв к исследованию истории на местах привел к созданию населением многочисленных «исторических мастерских», что критиками истории современности расценивалось как депрофессионализация исторического знания. Первоначально, по признанию А. Людтке, содержание истории повседневности составляла реконструкция истории противостояния и сопротивления нацистскому режиму «рядовых людей» и, в частности, социал-демократов и коммунистов, а также масштабов поддержки и преданности, которые оказывали режиму люди в их стремлении выжить. Представителям нового направления удалось построить объясняющую модель немецкого «особого пути» развития в позднее кайзеровское время и в Веймарской республике. Согласно этой модели, к национал-социализму страну привели дефицит модернизации и неравномерное экономическое и политическое развитие [5, с. 78-80].

В дальнейшем в рамках нового направления определилось два ведущих подхода, отличавшихся степенью разрыва с предшествовавшей историографической традицией. «Статичная» концепция Петера Боршейда и его последователей, заимствовавшая понятийный аппарат из социальной теории Арнольда Гелена, заострявшая внимание на «повседневной деятельности», в которой преобладает элемент «повторяемости», предполагала четкое разделение между сферами повседневной и не повседневной жизни и подчеркивала преемственность с прежними представлениями социальной истории, где главное внимание уделялось «структуре» общественных отношений. Тогда как «динамический» подход увязывал противоречивый характер радикальных исторических изменений «с производством и воспроизводством действительной жизни». То есть речь шла не только о будничной борьбе за

выживание: на первый план выдвигалась реконструкция социальной практики людей [5, с. 82-84].

При этом акцент делается на их сопротивление авторитетам или доминирующим историческим процессам. А. Людтке в 1990-е годы даже ввел понятие «своенравие», под которым подразумевал своеобразную реакцию на идущую сверху политику и специфическое толкование индивидуумом окружающего мира. Своенравие может поддерживать власть, а может ее ограничивать. Оно стоит между «властью» и «сопротивлением», которые в истории повседневности долго рассматривались как взаимоисключающие полюса [6, с. 5-7].

В определенной степени, историю повседневности можно рассматривать как «колонизацию» социальных наук изнутри для придания им черт историчности. В силу этого на рубеже XX-XXI столетий программа и инструментарий данного направления все больше расширяются, переплетаясь с другими течениями, особенно с микроисторией и биографической историей, историей эмоций, исторической антропологией и социологией.

Историю повседневности следует рассматривать не только как направление внутри германской исторической науки, но и как некий тренд в развитии мировой исторической мысли, связанный с кризисом объяснительных моделей «большой» политической истории и, прежде всего, истории элит и структур. Не случайно американский социолог и историк Ч. Тилли в середине 1980-х годов призвал к инкорпорации повседневной жизни «в бурные воды исторического процесса».

В западногерманской исторической науке, по мнению Ф. Ульриха, «произошла смена перспектив: от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни». Однако и прежняя, ориентированная на политику историческая наука не исчезла. Кроме того, современные социальные историки не пренебрегают социальными структурами и процессами, такими, как развитие индустриального капитализма, создание национальных государств, революции или образование классов. Ведь вопрос о причинах структурных изменений часто приводит к проблеме влияния исторических действий на «простых людей».

История повседневности призывает к воспроизведению «всего многообразия личного опыта и форм самостоятельного поведения», к изучению «человека в труде и вне его». То есть центральными в анализе повседневности становятся «жизненные проблемы тех, кто в основном остались безмянными в истории». И, прежде всего, вопрос о том, как люди переживают воздействие разнообразных структур и процессов. Отказ от изучения политики сверху был продиктован подчеркиванием того, что именно внизу, на микроисторическом уровне, сталкиваются общественный и частный интерес. Только так, по мнению Людтке, можно избежать изображения людей в качестве «марионеток». Однако освещение «местных» особенностей требует выхода за пределы изучения только «простых» людей, поскольку тон социальным отношениям и конфликтам задают права на собственность и власть и, в особенности, их символическое выражение. История повседневности провозгласила также отказ от односторонних представлений марксизма о возможности объяснить прошлое, исходя из действия экономических императивов и «объективных условий», добавив в объяснительную историческую модель субъективный фактор. При этом реконструкции не ограничиваются маленькими изолированными мирами. Перспектива расширяется при использовании различных форм «насыщенного повествования» путем обращения к более широкому контексту. Именно подобный подход, как уже указывалось, позволяет увязать опыт, восприятие, представления и действия со структурами и процессами [5, с. 95-96].

В лице германской истории повседневности впервые была сделана попытка определить историю повседневности как своего рода новую исследовательскую программу, еще один исторический синтез, подобный тому, что был предпринят в свое время в «Анналах». Об этом свидетельствует вышедшая в конце 1980-х годов в Германии книга «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни», переизданная в США в 1995 г. Сторонники истории повседневности призывают не к замене, а к уточнению структурного

подхода с целью обогащения нашего понимания прошлого, отдавая, тем не менее, приоритет изучению повседневной жизни. Это позволяет, по их мнению, раскрыть дихотомию между институциональным и человеческим факторами.

Существенное принципиальное отличие истории повседневности (как и социальной истории вообще) заключается в понимании изучения истории как процесса реконструкции прошлого [7, с. 15-16]. При таком подходе задача исследователя состоит в том, почувствовать в истории повседневности то, что выражает дух времени. Необходимо создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку. В силу этого основой истории повседневности манифестируются производство и воспроизводство действительной жизни, где участники не только объекты, но и субъекты истории [8, с. 326-327].

Задача исследователя - почувствовать в истории повседневности то, что выражает дух времени. Необходимо создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку. Например, теорию А. Грамши, согласно которой стратификация общества воплощается в идеологию общества – вертикальную ось социального измерения, сторонники истории повседневности призывают объединить с горизонтальной осью, проходящей на уровне обыденного сознания, с изучением того, как человек через язык выражает свое положение в обществе, какая на этой основе формируется общественная практика. Не статистические структуры, а, напротив, динамизм и противоречивая природа радикальных исторических изменений, производство и воспроизводство действительной жизни, где участники не только объекты, но и субъекты истории, провозглашаются основой истории повседневности [8, с. 327].

«Историческое полотно» в истории повседневности выступает главным образом в языке, дискурсе, кодах и матрицах поведения. В целях преодоления противопоставления объекта и субъекта предлагается понимание дискурса в духе Ю. Хабермаса, как рационального диалога, свободного от власти, понуждения и идеологии. Упор при этом делается на изучение символов, способов поведения, привычек, знаков, ценностей и «маленьких традиций», переходящих от поколения к поколению.

Исследование повседневности позволяет увидеть длинные промежутки истории и, одновременно, разобраться в «мелочах» жизни. Изучение повседневности дает возможность понять культурную ментальность, которая сохраняется на длинных исторических промежутках, разобраться в том, как теории претворяются в практику, какова этика повседневного поведения, которая состоит из незначительных, но решающих индивидуальных решений и выборов. Повседневность позволяет осмыслить не только правила и запреты данного общества, но и способы уклонения и отступления от них.

Е.Н. Аймахов, докторант PhD

1. История повседневности: Сборник научных работ / Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2003. С. 7 – 14.
2. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. №3. С. 125-127.
3. Пушкарева Н. История повседневности // Энциклопедия «Кругосвет» <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1010512.htm?text>
4. Ионин Л. К антропологии повседневности // Его же. Свобода в СССР / Статьи и эссе. СПб., 1997. С. 37-38.
5. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. – М., 1999. – С. 77-100.
6. Обертрайс Ю. Введение // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского союза. 1920-1950-е годы). Материалы межд. научн. конф. (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 5-7.
7. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000

8. Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002